

— Вещи монахов? Да, возможно, ведь эта курильница используется для благовоний и молитв. — Цюй Фэн согласился, кивнув. — Эр, открой, пусть и я посмотрю.

— Хорошо.

Развязав ленту свертка, Сюй Эр осторожно высыпал содержимое на журнальный столик. Три круглых, похожих на капли росы, почти молочно-белых, но с легким желтоватым оттенком и гладких, как нефрит, предмета упали на стол.

Что это? Сюй Эр взял один из предметов, похожий на бусину, и понял, что это не природное образование. На ощупь это напомнило ему браслет из «журавлиного хохла», который он видел у У Паня.

Посмотрев внимательнее, он заметил, что на каждой бусине был слабый ореол, напоминающий четырёхлучевой крест. Ореол одной бусины был около полуметра, но когда две бусины положили рядом, ореол не только не исчез, но и увеличился до двух с половиной метров, а четырёхлучевой крест стал более чётким.

Сюй Эр потер глаза, думая, что ореол и четырёхлучевой крест появляются из-за преломления света.

— Хм, еще и аромат есть. — Цюй Фэн, не понимая, что это, поднес бусину к носу и понюхал.

Сюй Эр тоже понюхал бусину и почувствовал легкий аромат сандала.

— Видимо, в том храме был хороший аромат, раз это пропиталось. — Цюй Фэн не придавал этому значения, шутя.

Пропиталось? Сюй Эр сомневался. Если это было спрятано в курильнице, как аромат мог проникнуть внутрь?

Но что это такое, он не мог понять, никаких идей не было.

— Останки. — Чэнь Чжибэй неуверенно предположил.

— Ой, не пугай меня, откуда ты знаешь? — Цюй Фэн чуть не выронил предмет из рук.

— Во время задания мы сжигали животных, это похоже.

— А, просто похоже? Ну, слава богу.

— На курильнице есть надписи. — Сюй Эр, не понимая, что это, решил убрать и спросить завтра на антикварном рынке, но тут заметил, что на ранее не замеченной части курильницы были выгравированы символы.

Цюй Фэн, стоявший ближе всех, взял курильницу, а Чэнь Чжибэй достал фонарик. Яркий свет осветил внутреннюю часть курильницы, где были выпуклые символы.

— Это что-то вроде головастиков, что там написано? — Цюй Фэн не мог понять, но и остальные двое тоже не разбирались.

— Санскрит? — Сюй Эр предположил, раз это связано с буддизмом, то, наверное, санскрит. Хотя он не был уверен, ведь раньше не видел такого.

— Что это вообще такое, кто это поймет? — Цюй Фэн почесал голову, о санскрите он даже не слышал.

— Может, спросим у какого-нибудь монаха, кто разбирается? — Цюй Фэн не был уверен, ведь если это действительно сокровище, то нельзя, чтобы об этом узнали посторонние, поэтому важно выбрать подходящего человека.

— Может, отец тети знает или кого-то, кто может понять? Он, кажется, профессор лингвистики в Университете Моду, хотя уже на пенсии. — Отец Го Мэйли был профессором на пенсии, специализировался на романских языках.

— Возьми фотоаппарат. — Чэнь Чжибэй согласился, но не хотел брать с собой предмет.

Если пленочный фотоаппарат не использовать до конца, то пленка будет потрачена впустую. Поскольку у всех троих не было дел, Чэнь Чжибэй решил прогуляться с ними по Пуси, использовав всю пленку, а затем зашел в ближайшую фотолабораторию, чтобы проявить снимки. Однако проявка занимала время, и фотографии можно было получить только через три дня.

Сюй Эр не придавал этому значения, ведь вещь была у него в руках, и он просто хотел узнать, что это такое. Если это действительно буддийская реликвия, а его семья не исповедует буддизм, то он мог бы передать это кому-то, кто верит, и, возможно, это помогло бы с жильем.

Дом, в котором он сейчас жил, был хорош, но все же это был чужой дом, и он платил лишь символическую плату, что заставляло его чувствовать себя неловко.

Перед возвращением домой они зашли на улицу Дунтай, где купили маленькую деревянную коробочку с вырезанными лотосами. Хотя она явно была сделана на современном станке, размер коробки подходил, и узоры были уместны, так что Сюй Эр не стал искать что-то лучшее.

В последующие дни Чэнь Чжибэй и Цюй Фэн часто собирались вместе, обсуждая что-то. Хотя они не скрывали этого от Сюй Эра, он не проявлял особого интереса, лишь примерно понимая, что Чэнь Чжибэй планирует вложить все свои деньги в поездку в Таиланд и Сянцзян для инвестиций.

Конкретные детали, такие как «Хеншен», «лимит роста» или «инвестиционный банк», Сюй Эр не понимал, но это не помешало ему отдать свою банковскую карту Чэнь Чжибэю для вложения.

Через неделю Сюй Эр получил звонок от дяди Сюй Яньчжэня, который попросил его взять вещи и отправиться в дом родителей тети, где старейшина Го хотел его видеть.

Видимо, санскрит был расшифрован. Сюй Эр поспешно положил медную курильницу и коробочку с предполагаемыми шарами в рюкзак, и Чэнь Чжибэй отвез его в дом Го.

Родители Го Мэйли были профессорами на пенсии из Университета Моду. Они жили в жилом комплексе для преподавателей недалеко от университета. Весь район был хорошо озеленен, с газонами, клумбами, деревьями и небольшим фонтаном, в котором плавали карпы кои.

Это больше напоминало парк, чем жилой комплекс.

Старейшина Го преподавал большую часть своей жизни, и его ученики были разбросаны по

всему миру. В праздники многие из них приходили поздравить стариков.

В прошлый Новый год Сюй Яньчжэнь привел Сюй Эра поздравить их, и старики очень полюбили мальчика, похвалив его успехи в изучении иностранных языков.

Теперь, возвращаясь сюда, Сюй Эр не чувствовал напряжения.

По дороге он купил сезонные фрукты и коробку сладостей, которые вместе с Чэнь Чжибэем принес в дом старейшины Го.

— Ой, дитя, зачем ты принес подарки? Заходи, заходи, право. — Бабушка Го была очень доброй женщиной и относилась к Сюй Эру с большой теплотой, вероятно, из-за его трудной судьбы.

— Бабушка Го, я просто купил немного фруктов. Это мой брат Бэй, о котором я рассказывал, он из нашей деревни. — Сюй Эр с улыбкой вошел в дом, представив Чэнь Чжибэя бабушке Го.

— Бабушка Го, здравствуйте. — Чэнь Чжибэй, держа коробку со сладостями, вошел в гостиную и поставил ее на пол рядом с журнальным столиком.

— Здравствуйте, здравствуйте. Я слышала о тебе от Эра, хороший парень. Садитесь, не стесняйтесь. — У бабушки Го было три сына и одна дочь. Сыновья жили далеко, даже за границей, а дочь, Го Мэйли, работала и могла навещать их только пару раз в месяц.

Кроме того, старейшина Го любил гулять, поэтому бабушка часто оставалась одна и очень радовалась, когда к ней заходили молодые.

Сюй Эр тоже любил бабушку Го, любил разговаривать с ней. В молодости бабушка Го была преподавателем этикета в Университете Моду, хотя и не профессором, так как это был факультатив. Однако она была очень образованной, в молодости она училась за границей.

Говорят, ее братья до сих пор живут за границей, где у них есть свой бизнес.

Бабушка Го любила Сюй Эра не только из-за его трудной судьбы и того, что он был родственником ее зятя, но и потому, что видела в нем хорошие манеры.

Манеры — это не только результат упорного обучения с детства, но и внутренняя культура, которая есть не у всех.

Семья зятя была обычной крестьянской, но все они обладали определенным воспитанием, что уже было редкостью. Однако бабушка Го увидела в Сюй Эре манеры и аристократизм, как у древних знатных семей.

Учитывая, что три поколения семьи Сюй Эра были крестьянами, бабушка Го считала, что это врожденное качество, что было очень редким, и поэтому она так любила Сюй Эра.

На самом деле, это было результатом того, что Сюй Эр в последние годы видел во сне людей, которые были либо известными учеными, либо знатными дамами, все они обладали высокой культурой и изысканными манерами. Сюй Эр, наблюдая за ними, невольно начал копировать их поведение, что делало его манеры очень утонченными.

Это происходило неосознанно, Сюй Эр не замечал этого и не пытался специально подчеркивать, что делало его манеры естественными и еще больше привлекательными для бабушки Го.

Хотя старейшина Го вызвал Сюй Эра, он сам ушел из дома, и трое провели некоторое время в гостинной, прежде чем старейшина вернулся с двумя людьми.

— Брат Чжан, ты пришел? Мой старик опять что-то нашел, чтобы ты оценил?

<http://bllate.org/book/16299/1470159>